

МИНСК-87:

Художественное телекино и время ■
Большая документалистика малого экрана

● АКТЕР — ПРОФЕССИЯ ПУБЛИЧНАЯ.
Последнее интервью Андрея МИРОНОВА

● МУЗЫКА НА ТЕЛЕЭКРАНЕ.
Дискуссия не закончена
— дискуссия продолжается

ISSN 0131 — 694X

ОБРЫЙ ВЕЧЕР МОСКВА

Андрей ЛЕОНОВ
не только диктор ЦТ.
В передаче
он еще и ведущий,
и комментатор.
А недавно получил
авторское свидетельство
на изобретение
в области авиационной
техники.

Читайте стр. 29

Андрей Миронов, искренне любивший телевидение, дал нашему журналу...
Роли народного артиста РСФСР Андрея Миронова на ТВ многочисленны и разнообразны. Здесь и Аларин — герой Куприна в телеспектакле «Впотьмах», и эксцентричный классический Остап Бендер из телефильма «Двенадцать стульев», и фатоватый персонаж телефильма «Соломенная шляпка», и медлительный, флегматичный герой тургеневской повести «Два приятеля» в телеспектакле «Возвращение», и...
Актера нет с нами — роли его живут.

ПУСТЬ БУДЕТ ИМПРОВИЗАЦИЯ!

— Андрей Александрович, не буду нарушать традиции, которая в журнале уже более десяти лет, и спрошу: как и когда впервые появилось в вашей жизни телевидение?

Что ж... Когда родители приобрели первый телевизор — маленький, по памяти «КВН-49» с линзой, было лет тринадцать. Странная вещь! Я не мог смотреть его один. Если не находил своих друзей, в дом каких-то бабушек, соседей, кого угодно. Не то, чтоб было общительный ребенок, — стеснялась инерция зрелища! Видели редко бывали в Москве, но гастролировали. И мне было рано видеть их по ТВ, хотя и не оно так распространено, как сейчас. Смотрел много спектаклей — драматического театра, Малого (тогда постоянно снимались спектакли драматические: с этого и началось ТВ), комедийности, «Ревизора» с Ильинским, «Слепота» с Царевым, Зубовым... Смотрел много фильмов, в том числе старых, известных.

Однажды один из первых дикторов — Александр Кондратов. (С ней, с ее долей, ставшей актрисой, я познакомился спустя много лет, играя в телеспектакле «Возвращение»). Как мы тогда, всегда ждали ее появления! Дважды случилась беда: в пылу телевизионского нетерпения в таком, я бы сказал, раже полез менять предохранитель. И так как стоял телевизор на неустойчивом столе, уронил его и вместе с линзой! Потом в доме Кондратова не было... Уже будучи артистом, я свои передачи смотрел не дома, а в гостях...

— Какие это были передачи, что вам сейчас помнится из них?

— Одну из самых первых помню довольно смутно. Что здесь удивительно в этом году — двадцать пять

лет, как я в театре! Осталось в памяти: Шаболовка; долго, кропотливо репетировали очень забавную зарубежную комедию, где у меня была одна из центральных ролей, спектакль шел сразу в эфир... Потом были водевили Нушича, которые ставил Марк Захаров; потом мы работали с болгарским режиссером... Да, вот еще одна из первых моих работ — спектакль «Рудин» в постановке режиссера Л. Хейфеца. Кстати, моей партнершей в нем была совсем молоденькая студентка ВГИКа Лена Соловей — испуганная такая, но — с обнаженным нервом, с трепетным прикосновением к роли...

Внес я для себя из первых контактов с телевидением чувство чрезвычайной ответственности перед аудиторией. Ведь для актера работа на телевидении, наверное, ответственней, чем в кинематографе, в плане того, что ты там делаешь, в каком виде являешься, каково твое к этому отношение. Я твердо уяснил: твое удачное проявление может быть не очень замеченным. Зато, как ни странно, любой твой конфуз мгновенно становится достоянием и твоих почитателей, и твоих недругов. Впрочем, уроки тех первых передач стали очевидными лишь с годами...

ТВ требует специфических навыков, особого контакта со зрителем, ибо адресуется к каждому индивидуально. Чем расположить человека, придя к нему домой, как не искренностью, естественностью? Категории эти точны. Они характеризуют твои исполнительские возможности. Бесспорно, огромное значение приобретают и фантазия, воображение актера, которые «довершают» образ.

Да, конечно, ТВ ближе к кинематографу. Крупным планом, возможностью рассмотреть какие-то тонкие нюансы. Твои актерские проявления в интервью, в спектакле, при исполнении, скажем, песни на ТВ, как нигде,

разнообразны. Здесь, как, впрочем, еще и в миниатюре, скетче, — и это я понял, быть может, с тех своих самых первых передач, — на первом месте должно быть умение оставаться с собой...

— Помнится, в связи с вашим вечером в Останкине — я имею в виду передачу «Избранные монологи» — пресса писала о «найденном на ТВ новом принципе расказа об актере». Согласны ли вы с такой трактовкой? Чем поучительна для вас была эта передача?

— Конечно, актер по своей сути — лицедей, который, независимо от контекста, в любой данный момент может что-то сыграть, изобразить. Причем он богат не в своих трактовках ролей, а, должно быть, в самих ролях.

Я долго думал об «Избранных монологах»: как это лучше осуществить? Казалось, портреты, которые на ТВ снимаются очень часто, — и это очень хорошо, — все же несколько что ли, однобоки. Ведь актер — профессия публичная. И все разговоры в передаче по поводу того, что он делает, не могут заменить того, что он делает. Хотелось живого контакта со зрительным залом, живого разговора. Пусть он черпает вопросы и неожиданности! И в то же время я хотел что-то играть (пусть камерно, пусть очень условно, но в присутствии зрителя!).

Действительно, почему писатель, крупный журналист, поэт имеет право на такую передачу, а актер — не имеет? Почему такой вечер не проводит кинорежиссер? Только потому, что он там ничего не делает, а делают другие (ну, скажем, иллюстрируют, показывают его фильмы)?

И я решил взглянуть шире. Хотя как-

то, но видоизменить сложившийся стереотип восприятия. В какой мере мне это удалось, судить, разумеется, не мне. Хотя, к счастью, кажется, все же удалось.

Нет, я не против творческих портретов: бесспорно, такая форма может существовать. Но эта мне интересней и впрямь новый принцип рассказа об актере — с игрой, рассуждениями, импровизацией.

Кстати, после этого вечера я получил несметное количество писем. (Пожалуй, такого я не получал никогда: все подоконники были завалены ими! Причем, речь лишь о тех, которые получил лично я и которые мне переслали). Отклик зрителя, его интерес оправдывали мои усилия...

— К чему сводится оценка в этих письмах?

— В общем, она оказалась позитивной. Это чрезвычайно приятно. Но были и точки зрения весьма мне интересные (если это не просто «разносе», если письма не анонимные, в них порой встречаются лобовитые предложения, раздумья; за это я всегда очень благодарен). Скажем, помню большое количество писем после тоже мной очень любимого фильма «Я возвращаю ваш портрет». Писали, в числе других, пожилые люди, которые просто благодарили за то, что им вернули их молодость, юность, то прошлое, которое ожило для них, душевное тепло, которое они получили. Это было замечательно, и в этом — тоже миссия телевидения. Но ведь это — и моя жизнь, детство мое и юность; в качестве ведущего я говорил о том, что видел, знал, пережил; что меня сформировали во многом именно те люди, о которых я говорил, и я считал своей высокой миссией участвовать в этом фильме...

— Вы говорили, Андрей Александрович, об импровизации. В разное время, в связи с разными передачами («Театральные встречи», КВН и многими другими) на страницах периодической печати вы ратовали за импровизационный принцип решения самой сути таких передач, за торжество на телевидении живого слова...

— Мое отношение было и остается совершенно определенным. В последнее время ТВ пытается приблизить себя к этому «живому» и решает эту задачу в ряде случаев безуспешно.

Время идет. Сами формы многих передач — медленно или быстро — себя изживают. Меня немножко смущает само название: КВН. Если ты — клуб веселых и находчивых, — форма передачи может быть непосредственной, живой. Никакой заученности, зарепетированности! То есть, люди, у которых и юмор, и интеллект срываются мгновенно, показывают мне,

зрителю, чем владеют, на что способны. Когда я вижу сореволюцию, — мне интересно. Но ведь, честно говоря, передача от такого решения ушла!

Был я на одном КВН. Он очень живо принимался, но сретированность лица все происходящее исходного смысла. Мне так и виделось за молодыми лицами, за спинами ребят — в меру находчивые и веселые пожилые дамы или пожилые мужчины, кирующие все дело, ставящие танцы, организовывающие все это, — словом, те, кто сделал это своей профессией, кто ухляпал на это огромные суммы, ибо тут важен был уже престиж — учреждения, института, завода. Когда КВН таким образом на глазах моих превращался в художественную самодельность, — мне стало не интересно.

Сейчас на ТВ большие перемены. Исчезают рубрики, появляются новые. Думаю, в каком-то виде возродятся «Театральные встречи». И, надеюсь, с учетом их ошибок. Эта передача буквально хахла без импровизации и становилась по-настоящему умной и по-настоящему развлекательной, когда содержала в себе ее элемент.

Я много раз участвовал в этих встречах и даже сам их вел. Такие передачи несут в себе не столько художественную, сколько и формативную миссию. В них бывает пусть оговоренная, но все-таки импровизационность, неожиданный, живой разговор. Он, собственно, мне и ценен. Я — за живое общение: актеров в передаче между собой, «живое» восприятие ими друг друга и их — зрителем... Кажется, что такая передача должна быть ближе к реальности, ближе к правде.

И все-таки мне она не приносила удовлетворения. Чем, в сущности, годами была эта передача, ну, скажем, по логике, по сценарному ходу? С одной стороны, — представлением новых спектаклей, с другой — исполнением каких-то отрывков, которые (без грима, костюмов!) становятся чем-то второстепенным, как бы вырванным из контекста; к тому же она носила функцию развлекательной: приглашались певцы, не деятели Театра.

Пусть это был бы вечер театральных пародий, может быть, вечер критики, разговор о новых спектаклях или, скажем, беседы актеров о волнующих их проблемах, — мне было бы понятно. А когда все монтируется, достаточно безалаберно смешивается и делается из этого некий спектакль (который не имеет в себе никаких функций спектакля!), когда эта форма становится уже догмой, притом повторяется из года в год, причем все это зарепетировано, все больше теряет живость, исходную свою непосредственность, которая всегда украшала, — естественно, со временем она себя изживает.

Я не противоречу: отдельные моменты, быть может, какие-то моменты были «Театральные встречи» прекрасны тем, что сохранили для себя хотя бы в таком виде, образцы многих актеров, которые ушли, чьих мы никогда не видели и мы не увидели с нами собой. В этом замечательная заслуга телевидения. Счастье, что-то взял на себя в свое время смелось снять того же Вадима Козина в студии и сделать из этого в годня такую непосредственную передачу. Но это — инициатива отдельного энтузиаста, в те времена мало-мально придушенная сверху. Не зафиксировано, не все...

— Какие же передачи ближе, — и в плане импровизации, и вообще?

— Хочу назвать в противовес названным — «Что? Где? Когда?». Она и острей, и интересней, и занимательней, и завлекательней. Там я действительно вижу какой-то процесс, направляю себя на том, что я вместе этими людьми занимаюсь поиском ответа, и зачастую они ставили меня в неловкое положение: я не угадывал, они — угадывали. Но мне это интересно, ибо в какой-то степени будит и мой мозг, и мою память...

Есть заданная передача — «Утренняя почта». Она рассчитана на то, чтобы в воскресенье в одиннадцать часов утра люди настроились хорошо, провели свой досуг, свой выходной день. Это — прекрасная мысль, и только различные формы в этой передаче заслуживают, с моей точки зрения, самого большого уважения. Во всяком случае, то, что в ней авторы стараются не повторять и все время ищут, — это уже прекрасно!

Я, к сожалению, не очень много вижу развлекательных передач. Мне нравится, что они разнообразны. Пусть всегда это делается с хорошим вкусом, не все попадает на ТВ, что заслуживает этого, но ясно, что их должно быть намного больше. А главное — до, чтобы они проходили по определенным жанрам, смешивать их нежелательно. Если эти передачи о классическом балете, то — только о нем; о драме — только о драме и т. п. Вспомните «Клуб путешественников» или «В мире животных» — чем интересны прежде всего? Тем, что они о передаче информации.

А вообще, любую передачу хочется видеть непосредственной. В плане импровизации мы еще очень отстаем.

Помню, во время пребывания в Болгарии, куда Театр сатиры приехал гастролировать, мне предложили ответить на вопросы, когда до начала спектакля останется несколько минут. Меня предупредили, что журналист, который идет эту передачу, может задать «профессиональные» вопросы, поставить меня в сложное положение. Я знал, что передачу смотреть будет вся Болгария. Та

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30